

В. Р. Эрлих

ЭЛИТНОЕ ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ г. МАЙКОПА

В статье рассматривается комплекс богатого протогеотского погребения 3 могильника «Улька I», открытого в 2017 г. в окрестностях г. Майкопа. Основываясь на том, что в погребении содержится имитация повозки или колесницы, присутствует полный набор вооружения, импортные предметы, изделия из драгоценных металлов, автор полагает, что данное погребение принадлежит представителю высшей воинской элиты протогеотского общества, возможного участника походов в Закавказье и датирует его второй половиной VIII в. до н. э.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, предскифский период, протогеотская группа памятников, элитные погребения, вооружение, конское снаряжение.

В 2017 г. при исследовании участка поселения «Улька I», в зоне реконструкции автодороги, ведущей от г. Майкопа в сторону федеральной трассы «Кавказ» был открыт протогеотский могильник и исследовано четыре погребения. Могильник расположен в 5,4 км к северо-востоку от северо-восточной окраины г. Майкопа и в 200 м к востоку от восточной окраины хутора Грозный. Очевидно, раскопками была затронута лишь незначительная часть могильника на его северо-восточной окраине¹. Три погребения были достаточно стандартны по погребальному обряду и инвентарю, однако погребение 3 значительно выделялось количеством и качеством погребального инвентаря. Именно о нем мы поведем речь в настоящей статье.

1. Работы проводились специалистами ООО «Артефакт» под руководством Алексея Владимировича Суркова, который любезно передал нам для публикации материалы исследованного могильника (Эрлих, Сурков 2019).

Оно было обнаружено в одном ряду могил с другими погребениями в слое чернозема при исследовании второго штыка поселения т. е. на глубине не более 50 см от современной поверхности (рис. 1). Границы могильной ямы, как у подавляющего большинства протогеотских погребений обнаружены не были (рис. 2).

Первоначально были расчищены два лошадиных черепа, каждый из которых сопровождался одноколычатými удилами, под одним из конских черепов находилась пропеллеровидная застежка из бронзы. К северу от конских черепов были обнаружены кости человека. Погребенный мужчина лежал предположительно на спине головой на юг, руки находились вдоль тела, ноги вытянуты. Сохранность костей неудовлетворительная.

Справа у головы погребенного обнаружены фрагменты двух черпаков. На правой руке найдено крупное серебряное височное кольцо, использовавшееся как браслет. В районе шеи находились стеклянные бусы двух видов. В районе левого плеча — три бусины глухого стекла с бронзовыми колечками для пришивания, две сердоликовые бусины и бронзовые пуговицы.

В районе пояса обнаружены золотое височное кольцо и бронзовая трехчастная бляшка. У таза слева находились оселок, кремь и бронзовый нож. В ногах найдено 9 бронзовых наконечников стрел.

Слева от костяка лежал железный меч с бронзовой рукоятью и железный наконечник копья. Около меча обнаружены две ажурные бронзовые бляшки.

1. Двучастные одноколычатые удила с гладкими стержнями. Длина звеньев — 11,0 см. Диаметры внешних колец — 3,5; 3,0 см (рис. 3: 1).

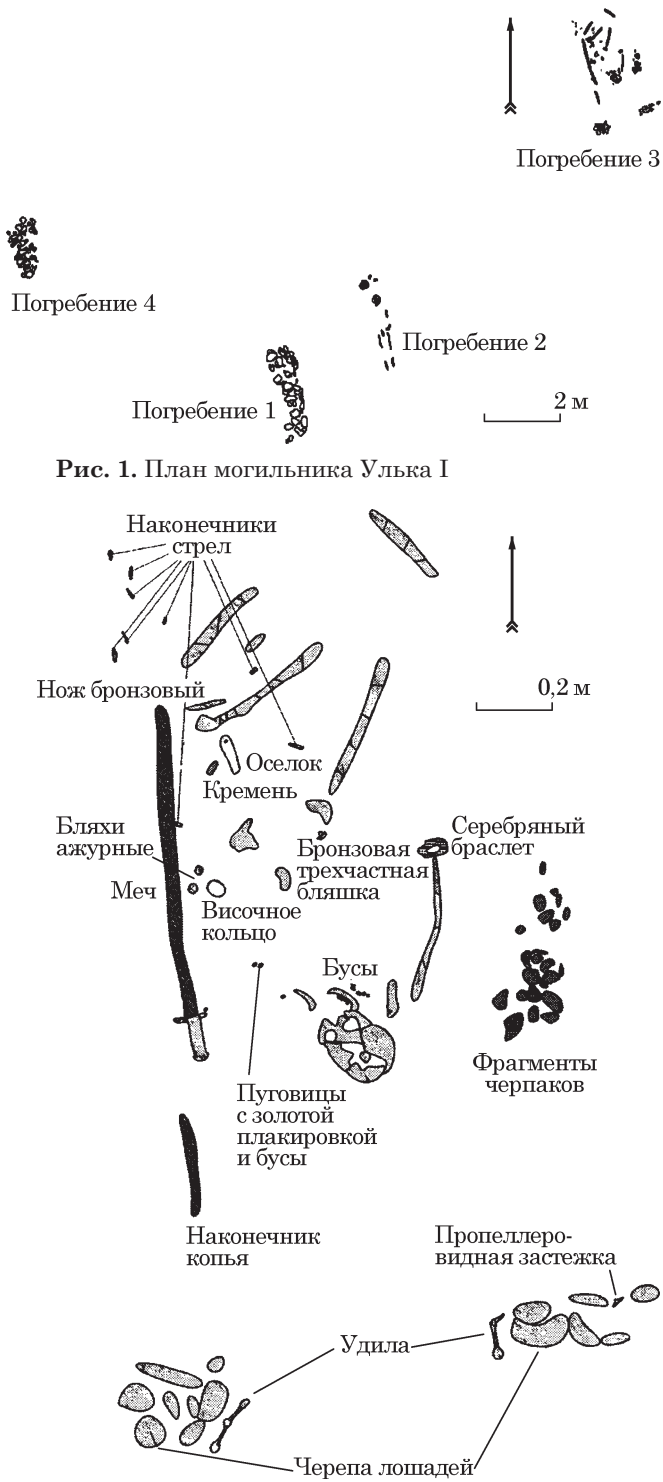


Рис. 2. План погребения 3 могильника Улька I

2. Удила однотипные предыдущим. Длина звеньев — 9,7; 8,5 см. Диаметры внешних колец — 2,5; 2,8 см (рис. 3: 2).

3. Застежка пропеллеровидной формы с центральным овальным утолщением и поперечным отверстием в ней. От отверстия отходят две плоские закругленные лопасти. Размер: 3,6 × 0,9 × 1 см (рис. 3: 3).

4. Развал черпака с петельчатой ручкой кубковидной формы. Высота около 9 см, диаметр венчика около 18 см.

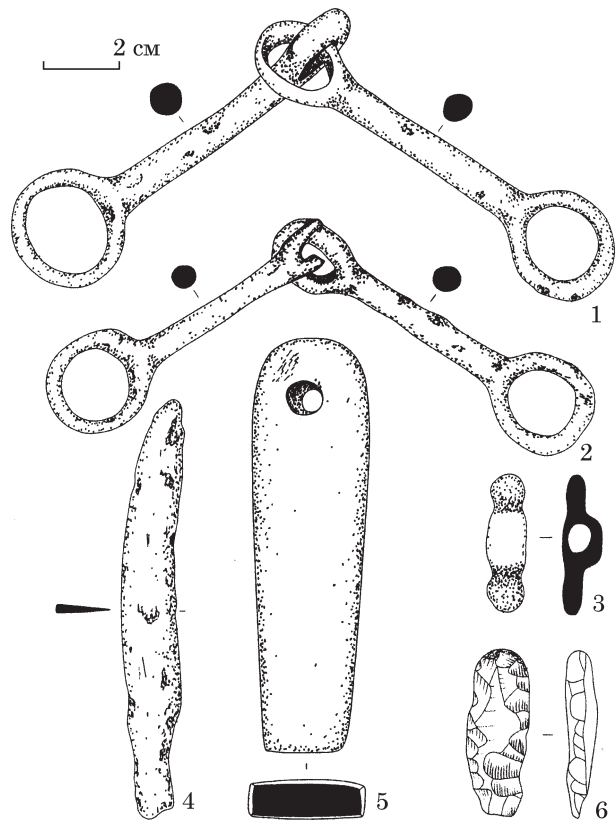


Рис. 3. Инвентарь погребения 3 могильника Улька I: 1—4 — бронза; 5 — песчаник; 6 — кремень

5. Развал аналогичного черпака. Высота около 6,5 см, диаметр венчика около 10 см.

6. Крупное височное кольцо, используемое в качестве браслета. Изготовлено из двух витков спаянной в центральной части серебряной рифленой пластины, края раскатаны и загнуты. Концы изделия соединены перемычкой. Диаметр — 7 см, высота 2,5 см, толщина — 0,15 см (рис. 4: 23; 6: 1).

7. а) Три стеклянные бусины цилиндрической формы глухого стекла либо фаянса бежевого цвета. Размеры: 1,4 × 0,6 см; 1,5 × 0,8 см; 0,8 × 0,6 см (рис. 4: 1—3).

б) Три двуцветные бусины цилиндрической формы из белого и коричневого прозрачного стекла. Размеры бус: 0,7 × 0,6 см; 0,9 × 0,6 см; 0,8 × 0,6 см (рис. 4: 4—6).

8. а) Бусы из глухого красного стекла кольцевидной формы (три целых и фрагмент) (рис. 4: 14—16, 19). Внутри находились колечки из бронзовой пластины для пришивания. Размеры бусин: 0,5—0,6 × 0,3 см. Диаметр колечек — 0,5 см (рис. 4: 19—21).

б) Две сердоликовые бусины кольцевидной формы. Размер бусин: 0,6 × 0,3 см (рис. 4: 17, 18).

в) Семь бронзовых бляшек-пуговиц с округлым выпуклым щитком и петлей-перекладиной. Шесть бляшек плакированы золотой фольгой, одна лишена плакировки. Диаметр бляшек — 1,2 см (рис. 4: 7—13; 6: 8).

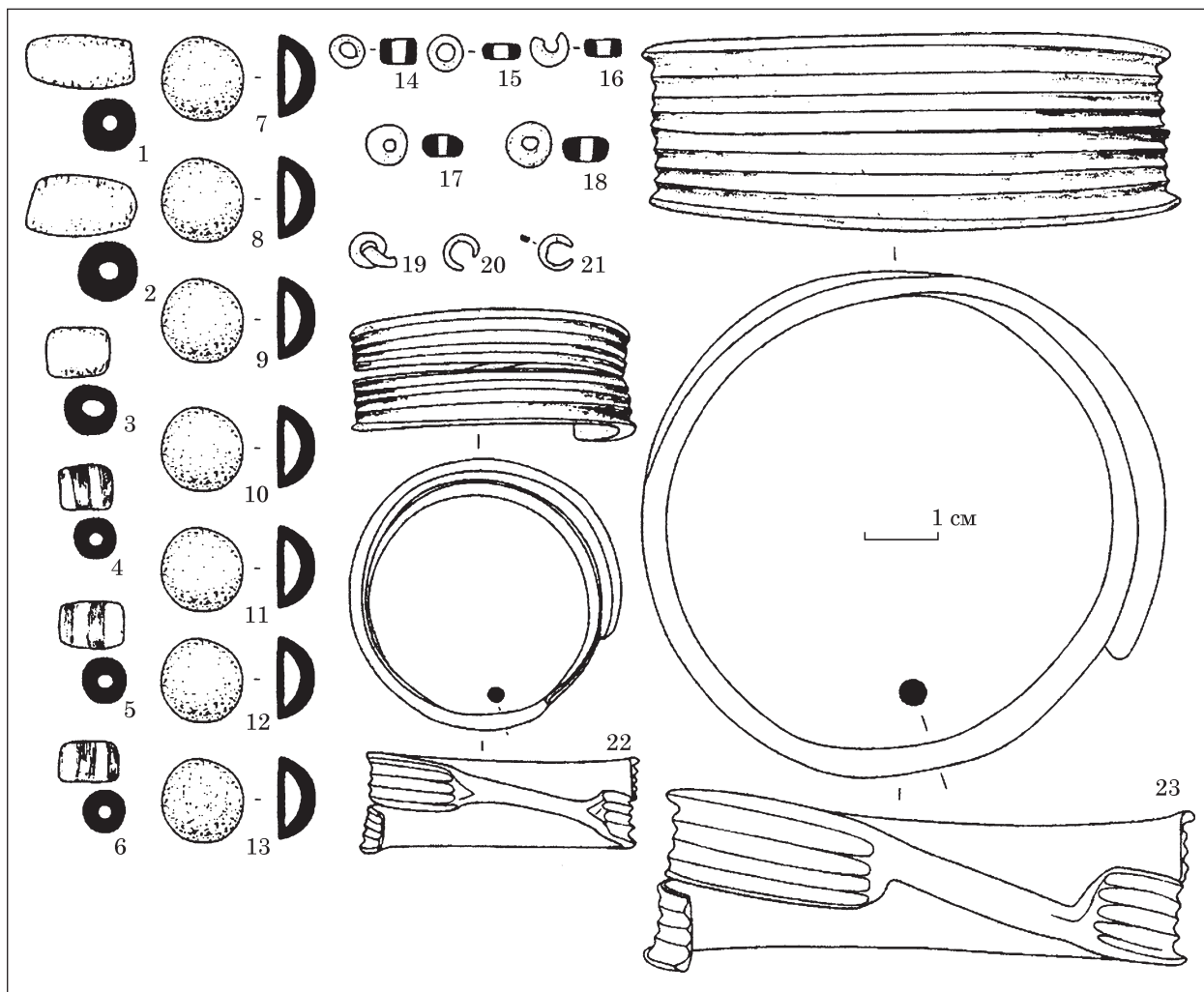


Рис. 4. Инвентарь погребения 3 могильника Улька I: 1—3 — глухое стекло (фаянс?); 4—6 — двуцветное стекло; 7—12 — бронза с золотой фольгой; 13, 20, 21 — бронза; 14—16 — стекло; 17, 18 — сердолик; 19 — стекло с бронзой; 22 — золото; 23 — серебро

9. Височное кольцо, изготовлено из двух витков спаянной в центральной части золотой рифленой пластины, края раскатаны и загнуты. Концы изделия соединены перемычкой. Диаметр — 3,5 см, высота — 1,2 см, толщина проволоки — 0,1 см (рис. 4: 22; 6: 2).

10. Бляхи с ажурным щитком с тремя прорезами и петлей на обороте. На щитке одной бляхи сохранился орнамент в виде насечек и рельефного трилистника в центре. Диаметр щитков блях — 2,5 и 2,3 см (рис. 5: 2, 3)

11. Бронзовая бляшка со щитком, состоящим из трех овалов и петлей на обороте. Размеры щитка: 2,2 × 1,2 см (рис. 5: 4).

12. Оселок из серого песчаника подтрапещевидный в плане (сужающийся книзу) и прямоугольный в сечении. В верхней части имеется отверстие для подвешивания, просверленное с одной стороны. Размеры: 11 × 3 × 1,2 см (рис. 3: 5).

13. Кремневый отщеп овальной формы с ретушью по краям. Размеры: 4,5 × 1,8 см (рис. 3: 6).

14. Бронзовый нож с относительно прямым лезвием и слабоизогнутой спинкой. Размеры: 11 × 1,5 см (рис. 3: 4).

15. Девять бронзовых втульчатых наконечников стрел с обломанными лопастями и втулками. Два наиболее сохранных экземпляра можно отнести к «Новочеркасскому» типу. Высота наконечников от 2,5 до 4 см (рис. 5: 5—13).

16. Биметаллический меч с бронзовой рукоятью и железным клинком. Округлая в сечении рукоять имеет грибовидное навершие и прямоугольное перекрестие. Клинок имеет форму в виде вытянутого треугольника. Общая длина меча — 108 см, ширина клинка — 3,5—4 см. Высота рукояти — 11,5 см, ширина перекрестия — 8,7 см (рис. 5: 1).

17. Сильно корродированный железный наконечник копья с цилиндрической втулкой и ромбовидным сечением пера. Длина наконечника — 25 см, ширина пера — 2,5—3 см, диаметр втулки — 2,5 см (рис. 5: 14).

Погребальный обряд. В целом погребальный обряд публикуемого погребения характерен

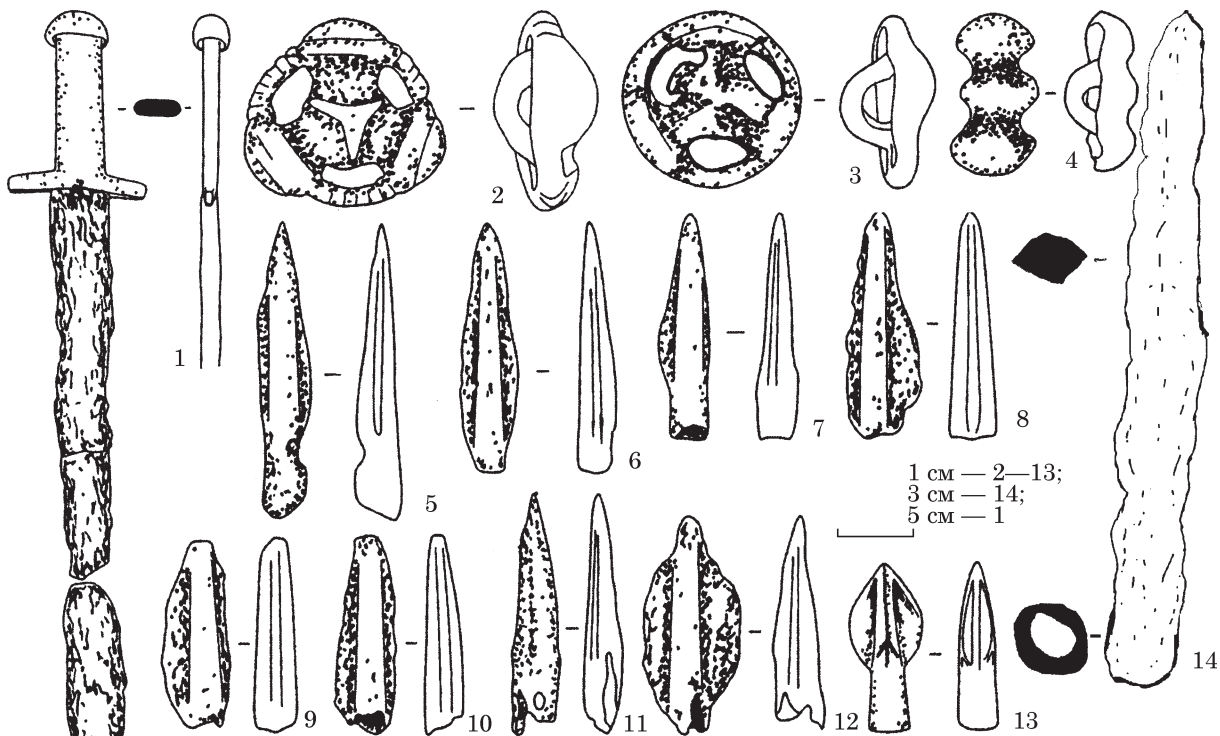


Рис. 5. Инвентарь погребения 3 могильника Улька I: 1 — бронза с железом; 2—13 — бронза; 14 — железо

для протомеотской группы памятников и для остальных погребений могильника Улька I. Отличительной особенностью является то, что в нем не была обнаружена каменная вымостка, встреченная в трех остальных погребениях (Эрлих, Сурков 2019) и характерная в большей степени для предгорных протомеотских памятников.

В погребении найдены остатки двух конских черепов (шкура). Эта черта обряда в большей степени характерна для протомеотских могильников центрального варианта. Также характерной в целом для протомеотских погребений центрального и предгорного варианта является меридиональная ориентировка с преобладанием в южный сектор.

Признаком характерным для данного могильника являются наличие двух черпаков (большого и маленького) у головы погребенного, и публикуемое погребение не является исключением.

Вооружение. Биметаллический меч. Уникальной для протомеотской группы памятников является находка

длинного биметаллического меча длиной около 108 см¹. Он имеет грибовидное навершие,

рукоять с круглым сечением и крестовидное перекрестие и может по форме рукояти быть отнесен типу 1 первого отдела протомеотских мечей и кинжалов (Эрлих 2007, с. 85—87). По другим типологическим схемам он может быть отнесен к мечам с эфесами I отдела, I подотдела, I группы (с неорнаментированными рукоятями) типа 1 по С. Б. Вальчаку (Вальчак 2008, с. 8—10). По схеме С. Л. Дударева этот меч может быть отнесен к первой группе биметаллических мечей и кинжалов с крестовидной рукоятью (БМК КР) (Дударев 1999, с. 95—97).

Отметим, что по своим пропорциям и размерам этот меч полностью совпадает с мечом из клада, обнаруженного в 1971 г. на Субботовском городище в лесостепной Украине (Чигиринский р-н, Черкасской обл.). Последний также имел общую длину 108 см, из них длина клинка составляла 94,8 см (Тереножкин 1976, с. 82, 83, рис. 49: 1; 50). Разница состояла лишь в характере рукояти, который у субботовского меча имел ложновитую обмотку, аналогичную рукояти кинжала из хутора Чернышова в ареале протомеотской группы памятников (см. Эрлих 2007, с. 86, рис. 149: 4; Терехова, Эрлих 2002, с. 139, рис. 6)². Еще один меч, имеющий близкое сходство с мечом из погребения 3 могильника Улька I хранится в Киевском истори-

1. До этого нам была известна только одна находка меча длиной около 70 см из могильника Кочипэ, однако относящегося к типу 2 второго отдела (Эрлих 2007, с. 91, 342, рис. 150: 9).

2. Стальные клинки меча из Субботова и кинжала из Чернышева в сочетании со сложной технологией отливки рукояти из высокооловянистой бронзы позволили нам отнести эти изделия уже к развитой стадии предметов клинкового вооружения этого отдела (Эрлих 2007, с. 86).

ческом музее (инв. № 3647) и предположительно происходит из Среднего Поднепровья. Они имеют несколько меньшие размеры — общая длина — 58,0 см; длина клинка 45,4 см¹. У него гладкая рукоять и чуть меньшие размеры перекрестия (Тереножкин 1976, с. 81, рис. 47: 3; 48: 1). Известны мечи с рукоятями этого типа с других территорий, однако, они более короткие, не превышающие 50 см в длину. Это меч около Билярска (Халиков 1969, рис. 1: 1) и меч из Лейбница в Австрии (Podborsky 1970, S. 156, Abb. 26: 1).

Железный наконечник копья (рис. 5: 14) из публикуемого погребения предположительно имел остролистую форму пера с ромбическим сечением и может быть отнесен к типу 2 железных протомеотских наконечников. Подобные наконечники копий происходят из могильников Фарс, Кубанский и Пшиш. Отметим, что все эти наконечники имеют сравнительно небольшую длину, и наконечник копья из могильника Улька I, имеющий длину 25 см, пока является самым длинным наконечником этого типа (Эрлих 2007, с. 98,99; рис. 160: 1—10).

Наконечники стрел (рис. 5: 5—13). Обнаруженный в погребении колчан из девяти бронзовых двухлопастных наконечников представляет достаточно редкое явление для протомеотской группы памятников. В ареале протомеотских памятников центрального и приморского-абинского варианта наконечники стрел до этого встречались в единичных экземплярах, а в предгорных могильниках они неизвестны вовсе. Исключение составляет находка 1908 г. Н. И. Веселовским в впускном погребении в курган эпохи бронзы у ст. Некрасовской также девяти длинновтульчатых наконечников новочеркасского типа (Иессен 1954, с. 120, рис. 8).

Возвращаясь к нашему колчану, отметим, что большинство наконечников стрел плохой сохранности, у них утрачены лопасти и части втулки. Однако два наконечника можно отнести к новочеркасскому типу стрел. Один экземпляр имеет обломанную втулку и крупную овально-ромбическую головку с прокованными лопастями (рис. 5: 12). Второй самый маленький наконечник (рис. 5: 13) имеет длинную втулку и небольшую овально-ромбическую головку. Первый наконечник по форме головки близок наконечникам стрел, обнаруженным в кургане у ст. Некрасовской и в насыпи кургана 1 Уахшиту I (Эрлих 2007, с. 351, рис. 161: 4, 5, 8, 9), а второй с маленькой головкой — некоторым наконечникам из кургана у хутора

Обрывского (Тереножкин 1976, с. 137, рис. 82: 12—14).

Уздечные принадлежности. Удила. Пара однотипных бронзовых одноколычатых удил с гладкими стержнями встречены в погребении 3 раскопа 3. Эти удила относятся к типу II классификации бронзовых удил А. А. Иессена и В. Р. Эрлиха (Иессен 1953, с. 52; Эрлих 1991, с. 34) или к типу I подотдела 2 группы I классификации С. Б. Вальчака (Вальчак 2009, с. 26,27). Удила имеют гладкие стержни, что более характерно для протомеотских памятников центрального варианта (Эрлих 2007, с. 117). Наиболее близкой аналогией нашим удилам являются удила из погребения 31 (1959 г.) Николаевского могильника, хранящиеся в фондах Национального музея Адыгеи (Эрлих 2007, с. 358, рис. 171: 6).

Пропеллеровидная застежка (рис. 3: 3). Обнаружена с одной парой удил. Застежка пропеллеровидной формы с центральным овальным утолщением и поперечным отверстием в ней. От отверстия отходят две плоские закругленные лопасти. Это достаточно редкий тип застежки, который впервые встречается в ареале протомеотских памятников. Наиболее близкими аналогиями им являются две пропеллеровидные застежки из погребения 3 кургана III у пгт Слободзея в Приднестровье (рис. 8: 24, 25). Основным отличием является то, что лопасти застежек из Слободзеи несколько длиннее и имеют рельефное утолщение по краям. Необходимо отметить, что при публикации комплекса из Слободзеи авторы затруднились привести аналогии этим застежкам (Яровой, Кашуба, Махортых 2002, с. 301, рис. 9: 13, 14; с. 318).

Уздечные бляхи. К деталям узды или предметом многофункционального значения можно отнести две ажурные бляхи с тремя прорезами (рис. 5: 2, 3). Полных аналогий они не имеют. Как правило, ажурные бляхи, встреченные в ареале протомеотских памятников, имеют четыре прореза и форму «мальтийского креста», вписанного в круг (тип 13 схемы В. Р. Эрлиха) (Эрлих 2007, с. 380, рис. 201). В тоже время, в ранней группе могильника Фарс встречены ажурные бляшки-пуговицы диаметром 2,4 см с тремя трапецевидными и одним центральным отверстием, которые могут считаться одним из прототипов блях с солярной розеткой и «мальтийским крестом» (тип 5) (Лесков, Эрлих 1999, рис. 12: 5; Эрлих 2007, рис. 196: 6; цв. вклейка, рис. 28: 1—4). В отличие от фарсовских встреченные в публикуемом погребении могильника Улька I трехпрорезные бляхи имеют в центре не отверстие, а выпуклый трилистник и также могут считаться прототипом классических блях с «мальтийским крестом» новочеркасского периода.

Орудия труда. Бронзовый нож имеет слабоизогнутую спинку и относительно прямое лезвие (рис. 3: 4). Переход от лезвия к черенку

1. Именно эти размеры приводит в своей книге Я. П. Гершкович для меча из Субботовского клада, общая длина — 58,0 см, длина клинка 45,4 см, очевидно перепутав их с размерами сходного беспаспортного меча из Киевского Исторического музея (Гершкович 2016, с. 117).

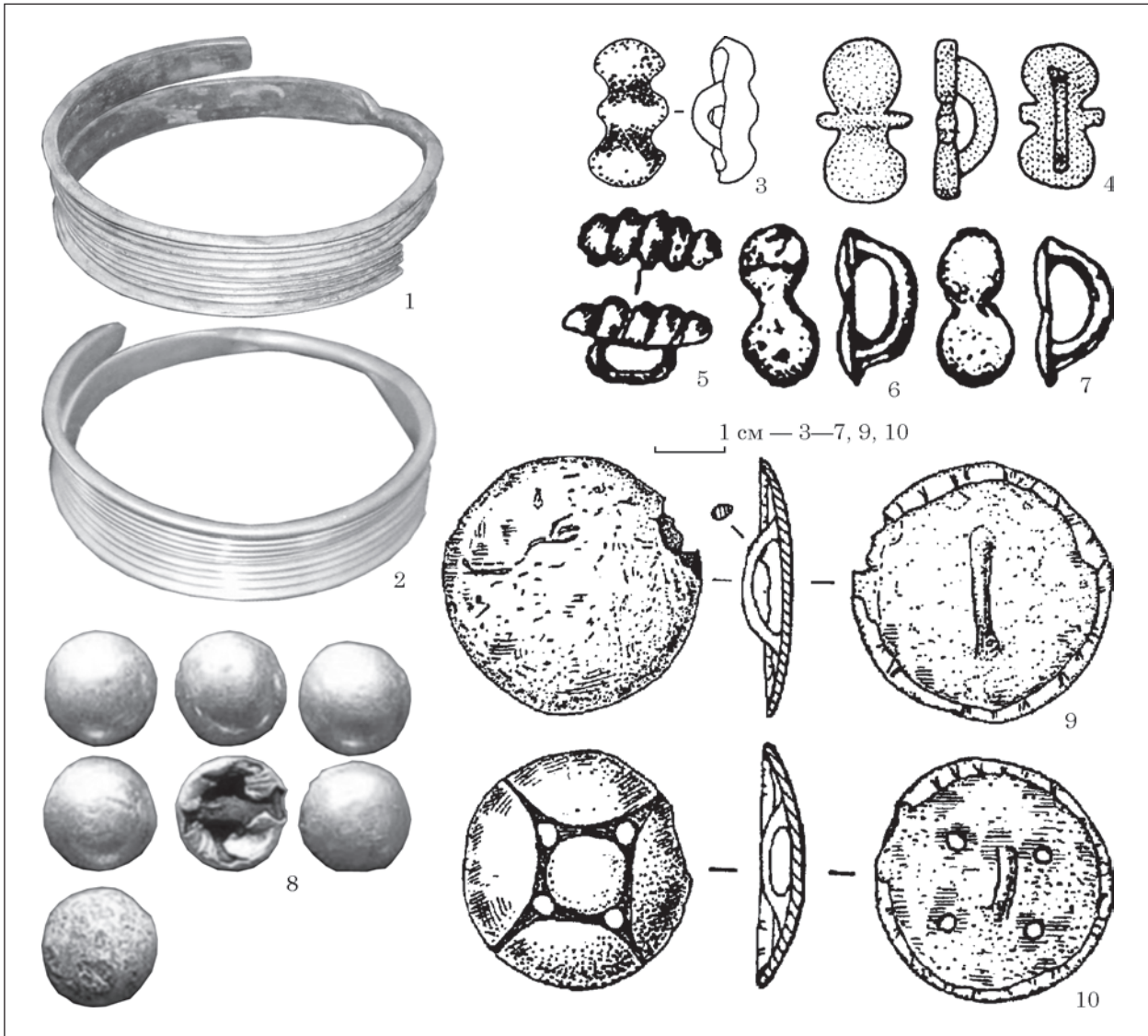


Рис. 6. Украшения, детали костюма и ряд аналогий предметам из п. 3 могильника Улька 1: 1, 2 — височные подвески типа «Шаренград» из погребения 3 могильника Улька I в экспозиции Национального музея Республики Адыгея; 3, 8 — погребение 3 могильник Улька I; 4 — погребение 15 могильника Сиалк В (по: Иванчик 2001); 5 — Абинский могильник (по: Эрлих 2007); 6, 7 — Голиграды (по: Chochorowski 1993); 9—10 — Краснодарский музей (по: Пьянков, Хачатурова 1998) (1, 2 — серебро; 3—7 — бронза; 8—10 — бронза с золотом)

оформлен уступом, а сам черенок имеет подпрямоугольную форму. Он может быть отнесен к варианту 2 протомеотских бронзовых ножей. Наибольшую близость этот нож находит с ножами из Николаевского могильника (Эрлих 2007, с. 152, 389; рис. 213: 1—5).

Оселок с подпрямоугольным контуром и прямоугольным сечением (рис. 3: 5) может быть отнесен к наиболее распространённым протомеотским оселкам первого типа (Эрлих 2007, с. 154). Однако необходимо указать на некоторую особенность его формы: в верхней части, где отверстие, он несколько шире, чем в нижней, что возможно объясняется его сработанностью.

Украшения. Височные подвески. В публикуемом погребении были обнаружены однотипные височные подвески типа «Шаренград»,

в виде двух витков спаянных в центральной части рифленых пластин. Одна из них серебряная — диаметром 7 см обнаружена в районе руки погребенного и использовалась в качестве браслета (рис. 4: 23; 6: 1). Другая — золотая диаметром 3,5 см была найдена в районе пояса (рис. 4: 22; 6: 2).

Отметим, что обе подвески отличаются крупными размерами, и могут относиться к варианту больших подвесок этого типа. Этот вариант впервые встречается на юге Восточной Европы. Находки маленьких подвесок шаренградского типа концентрируются в пределах центрального варианта протомеотских памятников (Сазонов 1995, с. 90) и происходят из могильника Пшиш I (погребение 3 (золотая), погребение 124 — 2 экз. (золото); подъемный материал — 2 экз.), из погребения 5 Николаев-

ского могильника (серебро) — 2 экз. (Анфимов 1961, табл. IV: 6). Пять экземпляров, по данным А. А. Сазонова, обнаружены на территории Псекупского могильника (Сазонов 1995, с. 90). На остальном Северном Кавказе они встречены лишь один раз — Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии (Козенкова 1990, с. 79, рис. 8: 30; Козенкова 2004, рис. 7: I) и трижды в степи — на Нижнем Дону и в Саратовской обл.: Балабинка к. 10, п. 13; Новониколаевка II, к. 2, п. 7 и Фриденберг, курган 1А, (Дубовская, Подобед 1996, с. 104, рис. 1: 1, 2; Потапов 1999, с. 65, рис. 3: 4).

Пять пунктов находок этих подвесок двух вариантов (больших и маленьких) приходится на Среднюю Европу (Sarengrad — 6 экз.; Dalj Busija — 2 экз.; Szeged-Óthalom — 2 экз.; Hrtkovci-Gomolava — 3 экз.; Sirok-Akasztómály) (Chochorowski 1993, S. 171—172, 228, 233, Abb. 31 B; 48: 15—17; 49: 46, 47; Metczer-Nebelsick 1996, S. 300, Abb. 10). Таким образом, по известным нам данным, в Средней Европе подвески шаренградского типа встречены в 5 пунктах в количестве 14 экземпляров, тогда, как на юге Восточной Европы вместе с публикуемыми нами их известно, сейчас не менее 18 экземпляров, встреченных в 8 пунктах. Причем только в Закубанье обнаружено не менее 14 подвесок из четырех могильников.

Поскольку на юге Восточной Европы до находок в могильнике Улька I встречался только один вариант этих подвесок (маленький), а в Средней Европе они встречаются в двух вариантах — большие и маленькие подвески, в свое время мы предположили, что форма подобных подвесок попала в равнинное Закубанье из Средней Европы (Эрлих 2007, с. 162, 163, рис. 222). На наш взгляд, сейчас, несмотря на некоторый перевес находок на востоке, оснований для пересмотра концепции, что подобные подвески являлись импортом из Средней Европы, пока нет. Косвенным свидетельством этому является использование височных подвесок не по назначению в богатых мужских погребениях, что наглядно демонстрирует погребение 3 могильника Улька I. К близкому мнению пришла и Карола Метцнер-Небельсик, которая полагала, что ситуация с этими подвесками иллюстрирует тесные связи района устья р. Дравы (притока Дуная) и Северного Кавказа (Metczer-Nebelsick 2002, S. 439) (рис. 7). Она также обратила внимание и на то обстоятельство, что если в Средней Европе эти подвески в комплексных находках встречаются исключительно в женских погребениях, то в погребениях Северного Причерноморья они встречаются в комплексах, связанных с мужским инвентарем (Metczer-Nebelsick 2002, S. 441, 442). Сами

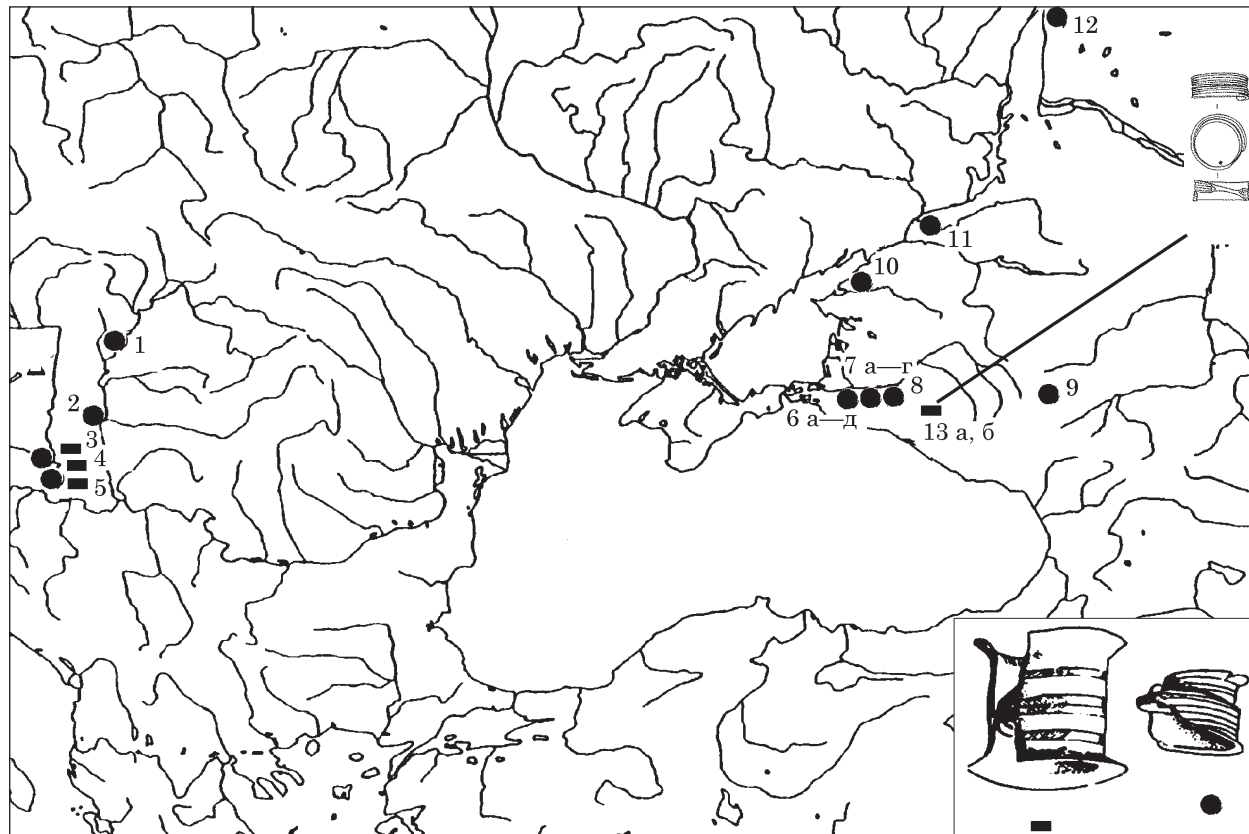


Рис. 7. Карта распространения подвесок типа «Шаренград» (по: Metczer-Nebelsick 1996) с нашими добавлениями и уточнениями: 1 — Sirok-Akasztómály; 2 — Szeged-Óthalom; 3 — Dalj Busija; 4 — Sarengrad; 5 — Hrtkovci-Gomolava; 6 — Псекупский могильник; 7 — Пшиш; 8 — Николаевский могильник; 9 — Верхний Акбаш; 10 — Новониколаевский; 11 — Балабинка; 12 — Фриденберг; 13 — Улька I

подвески являются достаточно сложным для изготовления ювелирным украшением, образованным из закрученной в спираль рифленой с одной стороны ленты с дужкой-перемычкой, внутренняя сторона которой оставалась гладкой (рис. 6: 1, 2). Два ряда ленты соединялись пайкой в центральной части изделия.

В настоящее время ситуация с подвесками типа «Шаренград» нам представляется так. Подвески шаренградского типа из драгоценных металлов на юге Восточной Европы в предскифский период в подавляющем большинстве встречены в комплексах с мужским всадническим инвентарем и, скорее всего, являлись маркером принадлежности к высшему воинскому сословию. В ареал центрального варианта протомеотских памятников, где имеется наибольшая концентрация этих находок, они попадали в результате тесных обменных связей с районом устья р. Дравы. Возможно, что эквивалентом такого обмена в Закубанье являлись кони с уздой, как предположила Карола Метцнер-Небельсик (Metczner-Nebelsick 2002, S. 486—489). В целом, нам уже приходилось писать, что контакты между Средней Европой и протомеотскими памятниками характеризуются исключительно обменом престижными вещами между элитами древних обществ (Эрлих 1997, с. 28, 29; Erlikh 1998, p. 116; Эрлих 2007, с. 192).

Можно также предположить, что височная подвеска из погребения 3 кургана III Слободзеи (рис. 8: 2) (Яровой, Кашуба, Махорты 2002, с. 296, рис. 6), свернутая из 5 витков золотой проволоки подражала более сложным в изготовлении шаренградским подвескам и являлась своеобразным вариантом «импортозамещения».

В свою очередь, можно согласиться также с мнением О. Р. Дубовской и В. А. Подобеда, что в ареал черногоровской культуры эти подвески попадают уже из Закубанья (Дубовская, Подобед 1996, с. 105). Очевидно, что эти вещи также доставлялись в степь наряду с металлической уздой.

Бусы. Бусы, обнаруженные в публикуемом погребении, изготовлены из сердолика и стекла.

Две сердоликовые бусины (рис. 4: 17, 18) имеют неправильную кольцевидную форму. Сердоликовые бусы уже встречались в протомеотских памятниках. Они найдены в погребениях 3 и 23 могильника Фарс, в погребении 13 Николаевского могильника и погребении 5 могильника Пшиш (Лесков, Эрлих 1999, с. 65, рис. 61: 9, 16; Анфимов 1961, табл. IV: 1; Эрлих 2007, с. 165). Они неправильной шаровидной формы и имеют диаметр от 0,5 до 1,7 см. Встречаются они и в могильниках кобанской культуры (Флеров, Дубовская 1993, с. 294, рис. 2: 19; Козенкова 1982, с. 60; Техов 1977, с. 178—181, рис. 117: 1—21).

Стеклобисерные бусы в публикуемом погребении имелись трех разновидностей.

1. Четыре бусины глухого красного стекла (рис. 4: 14—16, 19). В них были вставлены бронзовые колечки для пришивания к одежде (рис. 4: 19—21), аналогии чему нам не известны.

2. Три стеклянные бусины цилиндрической формы, выполненные из двуцветного стекла — белого и коричневого (рис. 4: 4—6). Они также пока уникальны для протомеотских памятников, где пока были зафиксированы только монохромные стеклянные бусы и стеклянный бисер (Эрлих 2007, с. 165). В то же время, полихромные бусы, очевидно закавказского происхождения, встречены в памятниках кобанской культуры (Козенкова 2004, с. 130).

3. Три бусины глухого стекла бирюзового цвета либо фаянса боченковидной формы (рис. 4: 1—3). Бусы из фаянса либо глухого стекла также до сих пор не встречались в протомеотских памятниках. В то же время, бусы и пронизи из фаянса на территории Северного Кавказа и в Закубанье, в частности, известны в эпоху средней и финальной бронзы (Марковин 1978, с. 272, рис. 11—23; Shortland et al. 2007, p. 269—273; Эрлих, Маслов, Вальчак 2010, с. 182, 183, рис. 7: 2; 8; Эрлих 2018, с. 14, 18, рис. 3: 3, 6—9). Бисер и бусы различной формы из фаянса либо глухого стекла встречены в кобанских могильниках (Козенкова, 2004, с. 129, 130; Белинский, Дударев 2015, с. 272).

Детали костюма. Круглые бляхи-пуговицы. Очевидно, с костюмом связаны обнаруженные в погребении 3 могильника Улька I семь блях-пуговиц полушарной формы с петлей-перекладиной (рис. 4: 7—13). Шесть из них были плакированы золотой фольгой (рис. 6: 8).

В ареале протомеотских памятников эти пуговицы встречаются не часто. Они были обнаружены в погребении 16 могильника Фарс и в Геленджикских дольменах (4 экз.) (Лесков, Эрлих 1999, рис. 17: 7; Аханов 1961, с. 145—146, рис. 6: 6; Эрлих 2007, рис. 196: 1, 5).

Подобный тип пуговиц гораздо в большей степени характерен для кобанской культуры (тип II, вариант 1 по В. И. Козенковой), подавляющее их большинство происходит из могильников VIII—VII вв. до н. э. (Козенкова 1998, с. 36—37). В Степи пуговицы этого типа встречены в погребении 3 (черногоровского времени) кургана 1 Ильевского могильника (Мамонтов 1986, с. 62, рис. 2). В Лесостепи подобная пуговица происходит из клада, открытого в 1971 г. на Субботовском городище (Тереножкин 1976, с. 85, 87, рис. 52). Известны подобные пуговицы и в Средней Европе, например, в погребении 78 могильника Клентнице (Stegmann-Rajtar 1992, Taf. 18: 2). Скорее всего, появление этих пуговиц в Закубанье следует связывать с соседней кобанской культурой. Отметим, что традиция плакировки бронзовых изделий золотой

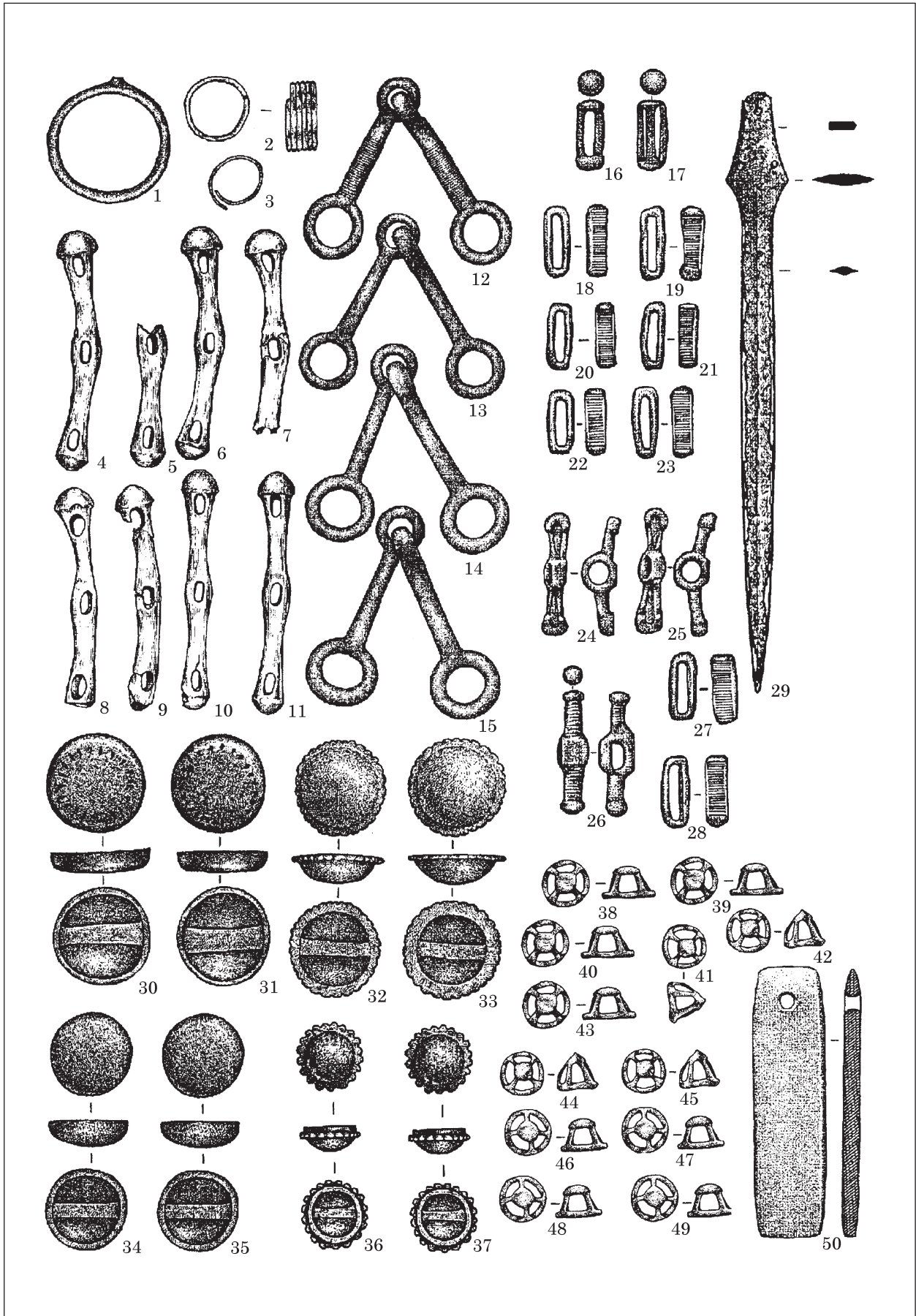


Рис. 8. Комплекс погребения 3 кургана III у пгт Слободзея (по: Яровой, Кашуба, Махортых 2002): 1, 3, 12—28, 30—49 — бронза; 2 — золото; 4—11 — рог; 29 — железо; 50 — камень

фольгой не уникальна для Северо-Западного Кавказа. В фондах Краснодарского музея хранится комплекс уздечных блях различных типов плакированных золотой, а в одном случае серебряной фольгой (Пьянков, Хачатурова 1998, с. 4—11, рис. 1: 1—6; 2: 1—5; 3: 1—3) (рис. 6: 9, 10).

Трехчастная бляха-пуговица (рис. 5: 3).

Полные аналогии бляшке со щитком из трех овалов и петель на обороте в ареале протомеотских памятников и за его пределами нам не известны. Несколько близка бляшка-пуговица из Абинского могильника, состоящая из пяти частей (Эрлих 2007, с. 398, рис. 223: 19) (рис. 6: 5). В погребении 15 могильника Сиалк В имелась бляшка с трёхчастным щитком, состоящим из двух овалов, разделенных планкой (рис. 6: 4) (Ghirshman 1939, Pl. LVI; Иванчик 2001, с. 169, рис. 89: 9). В Средней Европе известна большая серия бляшек со щитками из двух овалов, входящих в комплекс из с. Голиграды в Западной Украине (рис. 6: 6, 7) (Chochorowski 1993, S. 198, Abb. 42: 4—50).

Керамика, обнаруженная в погребении 3, представлена развалами большого и малого черпаков с высокой петельчатой ручкой и кубковидным туловом. Этот набор стандартен для могильника Улька I. Все черпаки, встреченные в могильнике, относятся к группе I протомеотских черпаков. Все они имеют высокую петельчатую ручку, лишённую выступов, что свидетельствует об относительно ранней стадии развития этой категории керамики (Эрлих 2007, с. 75).

Хронология и статус погребения. Судя по общему плану (рис. 1), погребение 3 могильника Улька I входило в затронутую раскопом очень небольшую и компактно расположенную группу погребений протомеотского могильника, который, скорее всего, развивался к востоку. В целом вся группа из четырех погребений выглядит достаточно гомогенной по погребальному обряду и обладает признаками предновочеркасско/черногоровского горизонта протомеотских древностей. К этим признакам мы отнесем следующее.

1. Ранняя кубковидная форма черпаков и отсутствие у них «рогатых» выступов на ручках.

2. Относительно ранний уздечный набор, который представлен однокольчатыми удилами с гладкими грызлами.

3. Бронзовый нож также является ранним признаком в протомеотской группе памятников.

4. Височные подвески типа «Шаренград», также пока зафиксированы исключительно в комплексах черногоровско/предновочеркасского этапа.

В то же время, сложное по своему составу элитное воинское погребение 3 содержит и некоторые более поздние признаки последующе-

го классического новочеркасского периода, при преобладании ранних.

В нем присутствуют наконечники стрел, которые мы можем отнести только к новочеркасскому типу (рис. 5: 12, 13). До сих пор все известные параллели этим наконечникам стрел встречены только в комплексах времени «Новочеркасского клада».

Пропеллеровидная застежка, обнаруженная в публикуемом погребении, имеет единственную аналогию в погребении 3 кургана III у пгт Слободзея.

Мне приходилось уже разбирать данный комплекс, который был датирован авторами публикации не позже конца IX в. до н. э., несмотря на то, что им не удалось прийти к единому мнению о его культурной интерпретации. Е. В. Яровой и М. Т. Кашуба отнесли его к черногорским древностям, а С. В. Махортых — к новочеркасским (Яровой, Кашуба, Махортых 2002, с. 302 и сл.).

Я предложил датировать комплекс основного погребения 3 кургана у Слободзеи по позднейшим вещам этого комплекса — трехпрорезным колесничным пронизям, до этого встреченным в позднейшем предскифском и раннескифском пласте (рис. 8: 16, 17) и застежке-обойме (рис. 8: 26), получившей широкое распространение среди принадлежностей гальштатских повозок периода HaC, временем близким к рубежу VIII—VII вв. до н. э. (Эрлих 2005, с. 175, 178; Эрлих 2007 с. 150). Таким образом, пропеллеровидная застежка типа «Слободзея» может служить относительно поздним хроноиндикатором публикуемого комплекса.

Косвенным относительно поздним признаком публикуемого погребения также являются парные конские черепа с уздой, находившиеся к югу от погребенного, которые, скорее всего, *paris pro toto* имитировали пароконную повозку или колесницу в погребении представителя местной протомеотской элиты¹. На современном уровне знаний о предскифских колесничных наборах Северного Кавказа и Восточной Европы уже не существует жесткой корреляции упряжи колесниц с комплексами исключительно новочеркасского и жаботинского пласта. В трех погребениях могильника Пшиш они встречены с уздой предновочеркасско/черногоровского типа (Эрлих 2007, с. 150, 151; рис. 61, 62). Поскольку знакомство северокавказцев с колесницами Ближнего Востока могло произойти во второй половине, а вероятнее всего, в последней четверти VIII в. до н. э. в результате военных походов в Закавказье, то наличие имитации пароконной упряжки в нашем погребении

1. Следует отметить, что южное расположение колесничной упряжки по отношению к погребенному, а также колесничных наборов в виде кладов в южной поле курганов отмечается в новочеркасский период (Эрлих 1994, с. 48, 49).

может свидетельствовать о том, что подобное знакомство уже состоялось. Таким образом, вероятной датой публикуемого комплекса может быть, скорее всего, вторая половина VIII в. до н. э. В это время в результате военных походов уже сформировалась протомеотская воинская элита, ярким свидетельством чему является и публикуемое погребение.

Высокий статус погребенного подтверждает и набор мужского воинского инвентаря, куда кроме типичных ножа и оселка входил полный комплект вооружения, включая очень редкие для протомеотской группы памятников длинный меч и колчаный набор. Уникальны для данной территории и стеклянные бусы, в том числе и полихромные, закавказского либо малоазийского производства. Возможно, эти редкие предметы были добыты во время военных походов через Кавказ. Статус погребения подчеркивает и наличие изделий из золота и серебра, также редких для протомеотской группы памятников. Часть его, как мы указывали выше, могла быть получена в процессе обменных операций с одним из регионов Средней Европы. Эквивалентом такого обмена, скорее всего, были лошади, которыми владел погребенный. Золотом, добытым во время грабительских походов, могли быть плакированы пуговицы западнокобанского производства.

Итак, сопровождающие погребенного предметы позволяют сделать вывод о том, что перед нами погребение представителя высшей воинской элиты протомеотского общества, участника военных походов в Закавказье, владельца конских табунов, который контролировал обменные операции с регионом Средней Европы.

В заключении также отметим важность вновь открытых погребений могильника Улька I для установления границ между центральным и предгорным вариантами протомеотских памятников.

В 7—9 км от могильника Улька I к юго-западу в пределах современного Майкопа находился могильник Кочипэ, обладающий всеми признаками памятников предгорного варианта. В то же время, большинство признаков погребального обряда, а также инвентарь могильника Улька I находит гораздо больше параллелей с могильниками центрального варианта протомеотских памятников. Такие признаки обряда, как отсутствие корчаг, помещение в погребение «шкурь» лошади, а не целых костяков коней более характерны для протомеотских могильников центрального варианта. То же можно сказать и об инвентаре, который находит основные аналогии среди памятников центрального варианта: Николаевский, Пшиш и др. Таким образом, можно полагать, что граница между центральным и предгорным вариантом проходила в районе выхода из предгорий в равнину, т. е. к северу от современного г. Майкопа.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов, Н. В. 1961. Протомеотский могильник у с. Николаевского. *Сборник материалов по археологии Адыгеи*, 2, с. 103-126.
- Аханов, А. А. 1961. Геленджикские подкурганые дольмены. *Советская археология*, 1, с. 139-149.
- Белинский, А. Б., Дударев, С. Л. 2015. *Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи Раннего железа*. Ставрополь: Дизайн-студия Б.
- Вальчак, С. Б. 2008. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII—VII вв. до н. э.). В: *Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее*. Москва: Квадрига, с. 6-25.
- Вальчак, С. Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы*. Москва: Таус.
- Гершкович, Я. П. 2016. *Субботовское городище*. Киев: ИА НАНУ.
- Дубовская, О. Р., Подобед, В. А. 1996. Об одном типе украшений черноговровского времени. В: *Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Материалы международной конференции*. Донецк, II, с. 102-109.
- Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы*. Москва: Палеограф.
- Иессен, А. А. 1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. *Советская археология*, XVIII, с. 49-110.
- Иессен, А. А. 1954. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. В: Шелов, Д. Б. (ред.). *Вопросы скифо-сарматской археологии*. Москва: АН СССР, с. 112-131.
- Лесков, А. М., Эрлих, В. Р. 1999. *Могильник Фарс. Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе*. Москва: Государственный музей Востока.
- Козенкова, В. И. 1982. *Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант*. Москва: Наука. Свод археологических источников, В 2—5.
- Козенкова, В. И. 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы. *Советская археология*, 3, с. 64-92.
- Козенкова, В. И. 1998. *Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант*. Москва: ИА РАН. Свод археологических источников, В 2—5.
- Козенкова, В. И. 2004а. Древности новочеркасского типа: фазы межкультурных контактов кобанской культуры. *Материалы и исследования по археологии России*, 6: Археологические памятники раннего железного века юга России, с. 66-92.
- Козенкова, В. И. 2004б. *Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII—VIII вв. до н. э.* Москва: Памятники исторической мысли.
- Марковин, В. И. 1978. *Дольмены Западного Кавказа*. Москва: Наука.
- Мамонтов, В. И. 1986. Погребение VIII в. до н. э. из Ильевского курганного могильника. *Краткие сообщения ИА АН СССР*, 186, с. 61-63.
- Потапов, В. В. 1999. Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона. *Донская археология*, 1, с. 62-68.
- Пьянков, А. В., Хачатурова, Е. А. 1998. Комплекс деталей конской узды предскифского времени из

фондов Краснодарского музея-заповедника. *Историко-археологический альманах*, 4, с. 4-11.

Сазонов, А. А., 1995. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш I. В: Дитлер, П. А. (ред.). *Археология Адыгеи*. Майкоп: Меоты, с. 84-107.

Флеров, В. С., Дубовская, О. Р. 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске. В: Каменецкий, И. С., Узянов, С. А. (ред.). *Вестник Шелкового пути. Археологические источники*. Москва: Шелковый путь, I, с. 262-303.

Тереножкин, А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Терехова, Н. Н., Эрлих, В. Р. 2002. К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе. Две культурно-исторические традиции. *Материальная культура Востока*, 3, с. 134-152.

Техов, Б. В. 1977. *Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э.* Москва: Наука.

Халиков, А. Х. 1969. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятями. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 169: Древности Восточной Европы. К семидесятилетию А. П. Смирнова, с. 276-280.

Эрлих, В. Р. 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья. В: Абрамов, А. П. (ред.). *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Москва: Государственный музей Востока, с. 31-47.

Эрлих, В. Р. 1994. *У истоков раннескифского комплекса*. Москва: ИНИОН РАН.

Эрлих, В. Р. 1997. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период. *Материалы и исследования по археологии России*, 1: Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы, с. 19-34.

Эрлих, В. Р. 2005. К дискуссии о месте и времени появления предскифских колесниц. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья*. Москва: ИА РАН, с. 167-182.

Эрлих, В. Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников*. Москва: Наука.

Эрлих, В. Р. 2018. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе. *Краткие сообщения ИА РАН*, 250, с. 7-24.

Эрлих, В. Р., Маслов, В. Е., Вальчак, С. Б. 2010. Курган 2 могильника Уашкиту-I: к проблеме стратиграфии. В: Василенко, А. И. (ред.). *Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы*. Луганск: Глобус, с. 172-189.

Эрлих, В. Р., Сурков, А. В. 2019. Протомеотские погребения поселения Улька-I. *Историко-археологический альманах*, 15, в печати.

Яровой, Е. В., Кашуба, М. Т., Махортых, С. В. 2002. Киммерийский курган у пгт Слободзея. В: Яровой, Я. В. (ред.). *Северное Причерноморье: от энеолита к античности*. Тирасполь: Археология, с. 279-343.

Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmerska na teryny Europy Srodkowej*. Krakow: Uniwersytet Jagielloński.

Erlikh, V. R. 1998 Relationships of The North Caucasus and Central Europe: Expansion or Exchange? *4th Annual Meeting of European Association of Archaeologist in Göteborg. Abstracts Book*, p. 116.

Ghirshman, R. 1939. *Fouilles de Sialkprès de Kahan 1933, 1934—1937*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner.

Metzner-Nebelsick, C. 1996. Die Urnfelder- und Hallstattzeit in Südostpannonien. In: Jerem, E. (ed.).

Die Osthallstattkultur. Akten des Internationalen Symposium. Budapest: Archaeolingua, s. 285-314.

Metzner-Nebelsick, C. 2002. *Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien*. Rahden, Westf.: Leidorf.

Podborsky, V. 1970. *Südmähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle zur Eisenzeit*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně.

Shortland, A., Shishlina, N., Egorcov, A. 2007. Origin and Production of Faience Beads in the North Caucasus and the Caspian Sea Region in the Bronze Age. In: Lyonnet, B. (ed.). *Les cultures du Caucase (VI—III millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient*. Paris: CNRS, p. 269-283.

Stegmann-Rajtár, S., 1992. Spätbronze- und früheisenzeitliche Fundgruppen des mittleren Donaugebietes. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*, 73, S. 29-179.

REFERENCES

Anfimov, N. V. 1961. Protomeotskiy mogilnik u s. Nikolayevskogo. *Sbornik materialov po arkheologii Adygei*, 2, s. 103-126.

Akhanov, A. A. 1961. Gelendzhikiye podkurgannyye dolmeny. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 139-149.

Belinskiy, A. B., Dudarev, S. L. 2015. *Mogilnik Klin-Yar III i ego mesto sredi drevnostey Kavkazai Yugo-Vostochnoy Evropy nachala epokhi Rannego zheleza*. Stavropol.

Vaľchak, S. B. 2008. Hronologiya i genesis mechej i kinzhalovs rukoyatyami okruglogo secheniya v predskifskij period (VIII—VII vv. do n. e.). In: *Voennaya arheologiya: Sbornik materialov seminar pri Gosudarstvennom istoricheskom muzee*. Moskva: Kvadruga, s. 6-25.

Vaľchak, S. B. 2009. *Konskoe snaryazhenie v pervoj treti I-go tys. do n. e. na yuge Vostochnoy Evropy*. Moskva: Taus.

Gershkovich, Ya. P. 2016. *Subbotovskoye gorodishche*. Kiev: IA NANU.

Dubovskaya, O. R., Podobed, V. A. 1996. Ob odnom tipe ukrasheniy chernogorovskogo vremeni. In: *Severo-vostochnoye Priazovye v sisteme evraziyskikh drevnostey (eneolit-bronzovyy vek)*. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Donetsk, II, s. 102-109.

Ivanchik, I. I. 2001. *Kimmeri y tsyiskify*. Moskva: Paleograf.

Iessen, A. A. 1953. K voprosu o pamyatnikakh VIII—VII vv. do n. e. na yuge Evropeyskoy chasti SSSR. *Sovetskaya arkheologiya*, XVIII, s. 49-110.

Iessen, A. A. 1954. Nekotoryye pamyatniki VIII—VII vv. do n. e. na Severnom Kavkaze. In: Shelov, D. B. (ed.). *Voprosy skifo-sarmatskoy arkheologii*. Moskva: AN SSSR, s. 112-131.

Leskov, A. M., Erlikh, V. R. 1999. *Mogilnik Fars/Klady. Pamyatnik perekhoda ot epokhi pozdney bronzy k rannemu zheleznomu vekuna Severo-Zapadnom Kavkaze*. Moskva: Gosudarstvennyy muzej Vostoka.

Kozenkova, V. I. 1982. *Tipologiya i khronologicheskaya klasifikatsiya predmetov kobanskoy kultury. Vostochnyy variant*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, V 2—5.

Kozenkova, V. I. 1990. Khronologiya kobanskoy kultury: dostizheniya, opytutochneniya, nereshennyye problemy. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 64-92.

Kozenkova, V. I. 1998. *Materialnaya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant*. Moskva: IA RAN. Svod arkheologicheskikh istochnikov, V 2—5.

Kozenkova, V. I. 2004a. Drevnosti novocherkasskogo tipa: fazy mezhkulturnykh kontaktov kobanskoy kultury. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii*, 6: Arkheologicheskiye pamyatniki rannego zhelezного veka yuga Rossii, s. 66-92.

Kozenkova, V. I. 2004a. *Biritualizm v pogrebalnom obryade drevnikh «kobantsev»*. *Mogilnik Tereze kontsa XII—VIII v. do n. e.* Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Markovin, V. I. 1978. *Dolmeny Zapadnogo Kavkaza*. Moskva: Nauka.

- Mamontov, V. I. 1986. Pogrebeniye VIII v. do n. e. iz Ilyevskogo kurgannogo mogilnika. *Kratkiye soobshcheniya IA AN SSSR*, 186, s. 61-63.
- Potapov, V. V. 1999. Chernogorovskiy pogrebeniya v nizoviakh levogo berega Dona. *Donskaya arkheologiya*, 1, s. 62-68.
- Piankov, A. V., Khachaturova, E. A. 1998. Kompleks detaley konskoy uzdy predskifskogo vremeni iz fondov Krasnodarskogo muzeya-zapovednika. *Istoriko-arkheologicheskii almanakh*, 4, s. 4-11.
- Sazonov, A. A. 1995. Rannaya gruppa konskikh zakhroneniy protomeotskogo mogilnika Pshish I. In: Ditler, P. A. (ed.). *Arkheologiya Adygei*. Maykop: Meoty, s. 84-107.
- Flerov, V. S., Dubovskaya, O. R. 1993. Muzhskiy pogrebeniya kobanskogo mogilnika Klin-Yar III v g. Kislovodske. In: Kamenekij, I. S., Uzyanov, S. A. (ed.). *Vestnik Shelkovogo puti. Arkheologicheskiye istochniki*. Moskva: Shelkovy put', I, s. 262-303.
- Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriytsy*. Kiev: Naukova dumka.
- Terekhova, N. N., Erlikh, V. R. 2002. K probleme perekhoda k rannemu zheleznomu veku na Severnom Kavkaze. Dve kulturno-istoricheskiye traditsii. *Materialnaya kultura Vostoka*, 3. Moskva, s. 134-152.
- Tekhov, B. V. 1977. *Tsentrálny Kavkaz v XVI—X vv. do n. e.* Moskva: Nauka.
- Khalikov, A. Kh. 1969. Zheleznyye kinzhaly s bronzovymi rukoyatyami. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 169: Drevnosti Vostochnoy Evropy. K semidesyatiletuyu A. P. Smirnova., s. 276-280.
- Erlikh, V. R. 1991. Bronzovyye uzdechnyye nabory i problema khronologii predskifskogo i ranneskifskogo vremeni Zakubania. In: Abramov, A. P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Kavkazai Prichernomoria*. Moskva: Gosudarstvennyy muzej Vostoka, s. 31-47.
- Erlikh, V. R. 1994. *U istokov ranneskifskogo kompleksa*. Moskva: INION RAN.
- Erlikh, V. R. 1997. K probleme svyazey Predkavkazia i Sredney Evropy v novoчеркасский период. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii*, 1: Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoy Evropy, s. 19-34.
- Erlikh, V. R. 2005. K diskussii o meste i vremeni poyavleniya predskifskikh kolesnits. In: Gulyaev, V. I., (ed.). *Drevnosti Evraziotranney bronzy do rannego srednevekovia*. Moskva: IA RAN, s. 167-182.
- Erlikh, V. R. 2007. *Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznoy veka. Protomeotskaya gruppa pamyatnikov*. Moskva: Nauka.
- Erlikh, V. R. 2018. Postdolmennyy gorizont na Severo-Zapadnom Kavkaze. *Kratkiye soobshcheniya IA RAN*, 250, s. 7-24.
- Erlikh, V. R., Maslov, V. E., Valchak, S. B. 2010. Kurgan 2 mogilnika Uashkhitu-I: k probleme stratigrafii. In: Vasilenko, A. I. (ed.). *Problemy okhrany i izucheniya pamyatnikov arkheologii stepnoy zony Vostochnoy Evropy*. Lugansk: Globus, s. 172-189.
- Erlikh, V. R., Surkov, A. V. 2019. Protomeotskiye pogrebeniya poseleniya Ulka-I. *Istoriko-arkheologicheskii almanakh*, 15, in print.
- Yarovoy, E. V., Kashuba, M. T., Makhortyk, S. V. 2002. Kimmeriyskiy kurgan u pgt. Slobodzeya. In: Yarovoj, E. V., (ed.). *Severnoye Prichernomor'ye: ot eneolita k antichnosti*. Tiraspol: Arheologiya, s. 279-343.
- Chochorowski, J. 1993. *Ekspansja kimmeryska na tereny Europy Srodkowej*. Krakow: Uniwersytet Jagielloński.
- Erlikh, V. R. 1998 Relationships of The North Caucasus and Central Europe: Expansion or Exchange? *4th Annual Meeting of European Association of Archaeologist in Göteborg. Abstracts Book*, p. 116.
- Ghirshman, R. 1939. *Fouilles de Sialk près de Kahan 1933, 1934—1937*. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner.
- Metzner-Nebelsick, C. 1996. Die Urnfelder- und Hallstattzeit in Südostpannonien. In: Jerem, E. (ed.). *Die Osthallstattkultur. Akten des Internationalen Symposium*. Budapest: Archaeolingua, s. 285-314.
- Metzner-Nebelsick, C. 2002. *Der «Thrako-Kimmerische» Formenkreis aus der Sicht der Urnfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien*. Rahden, Westf.: Leidorf.
- Podborsky, V. 1970. *Südmähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle zur Eisenzeit*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně.
- Shortland, A., Shishlina, N., Egorcov, A. 2007. Origin and Production of Faience Beads in the North Caucasus and the Caspian Sea Region in the Bronze Age. In: Lyonnet, B. (ed.). *Les cultures du Caucase (VI—III millénaires avant notre ère). Leurs relations avec le Proche-Orient*. Paris: CNRS, p. 269-283.
- Stegmann-Rajtár, S., 1992. Spätbronze- und früheisenzeitliche Fundgruppen des metalleren Donaugebietes. *Bericht der Römische-Germanischen Kommission*, 73, S. 29-179.

V. R. Erlikh

THE ELITE GRAVE OF THE WARRIOR OF THE PRE-SCYTHIAN AGE NEAR MAIKOP

The Ulka I cemetery was discovered on the site of the ancient Ulka settlement during rescue excavations conducted by A. V. Surkov in 2017. It is located 5.4 km northeast of Maykop (Adygea, RF). A total of four Proto-Maeotian burials were uncovered in these burial grounds. This article focuses on the wealthiest burial 3, which contained the remains of a warrior flanked by two horse skulls to the south — apparently in imitation of a cart or chariot. The burial inventory consisted of a long bimetallic sword with a length of 108 cm, a spearhead, a quiver with nine bronze arrows, gold and silver pendants of the «Šarengrad» type, gold-plated bronze buttons and various other items. An analysis of the funeral inventory shows that the main items belong to the Chernogorovka or Pre-Novocherkassk category of Proto-Maeotian material. However, the burial also contains later chronological indicators, e. g. arrowheads of the «Novocherkassk type» and a clasp of the «Slobodzeya» type. In general, it is possible to suggest a dating within the second half of the 8th century BC for the complex. The burial inventory indicates that the deceased belonged to the highest military elite of Proto-Maeotian society. He probably took part in military campaigns in the Trans-Caucasus, owned multiple herds of horses, and oversaw transactions and exchange with the elite of Central Europe.

Keywords: North-Western Caucasus, pre-scythian time, Proto-Maeotian group of monuments, elite burials, armament, horse harness.

Одержано 16.01.2019

ЕРЛИХ Володимир Роальдович, доктор історичних наук, головний науковий співробітник, Державний музей містечтв народів Сходу, Нікітський бульвар 12а, Москва, 119019, Росія, verlikh@bk.ru.

ERLIKH Vladimir R., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, State Museum of Oriental Art, 12a Nikitskiy boulevard, Moscow, 119019, Russia, verlikh@bk.ru.